

...Начало...

В самом начале, где я был, что я делал, думал он в оцепенении.

Как и раньше, он выключил все освещение в комнате – только экран слабо излучал холодный свет. Слова, нанизанные на нити диалога, походили на мокрые следы чернил на бумажном листе. Они расплывались один за другим в лучах света, постепенно превращаясь в мешанину черного и белого.

Он немного приподнял руку над столом и отпустил пуговицу, которую держал в ладони. Затем он убрал руку – словно для того, чтобы не дать себе бессознательно потянуться к этому белому кружочку – а затем медленно сжал ее в кулак.

Свет перед глазами поглотил его, как прилив, качнул вверх и вниз. Его сознание лежало в маленькой лодке, дрейфующей к началу воспоминаний – началу, которое он всегда предпочитал хранить запечатанным в глубинах своей памяти. Теперь он сделал выбор и решил снова его открыть.

В самом-самом начале была съемная квартира.

Верхняя сторона входной двери была покрыта ржавчиной, на ней был наклеен перевернутый «символ удачи». А внутри сидел он, вместе с той женщиной.

Он играл, сидя на полу, а та женщина сидела перед ним на деревянном стуле с оцепеневшим лицом. На ее щеках были видны две засохшие дорожки. Трубку телефона после только что закончившегося звонка опустили на место неправильно, и она криво лежала на боку: все еще был слышен протяжный гудок – сигнал отбоя.

В каждом месяце было несколько таких дней, и каждый раз женщина не говорила, кто звонил – но он знал.

Он спросил: это был папа?

Глаза женщины немного сдвинулись. Она смотрела на него сверху вниз, уголки ее поджатых губ внезапно приподнялись. Эта улыбка выглядела жалкой и несчастной. Это был папа, ответила она. Ответ на мгновение заставил ее глаза загореться.

- Когда он вернется?

- Он не вернется.

- Почему?

- Потому что...

Внезапно около уха раздался голос женщины, которую он сегодня снова встретил: «Шень Янь, он никогда тебя не хотел».

И в этот момент время на экране внезапно сменилось со 120 на 119.

Увидев скачок этой секунды, он вздрогнул всем телом и инстинктивно сжал пальцами свое горло - как будто его душили руки той женщины, останавливая не только голос, но и дыхание.

118.

117.

Три секунды полной тишины.

Его руки мелко дрожали. Он открыл рот - он мог слышать из своего микрофона учащенное дыхание. Было по-прежнему очень тихо, и, если не прислушаться внимательно, можно было этого и не услышать. Был момент, когда он хотел схватить пуговицу, но выдержал, и его рука сжалась, лежа на столе, в крепкий кулак.

Он глубоко вздохнул и закрыл глаза.

Момент появления голоса походил на то, как волны разбиваются о поверхность воды, но услышать его было равно тому, чтобы утонуть под волной.

Ци Цзин почувствовал, что тонет вместе с ним.

Голос Шень Яня походил на ледяной железный крюк, который вонзился в него и сразу же приковал все внимание.

- ...Что ты хочешь узнать?

Это был наполовину вздох, наполовину - настоящий голос.

Первый был бесформенным, второй - наполовину осязаемым, но еще и немного хриплым, что создавало совершенно уникальное качество. Как будто после того, как в илистое дно пруда ударил камень, осевшая грязь медленно поднималась со дна, вздуваясь и закрывая обзор.

А вода к тому же была тревожно холодной...

Затем человек в наушниках вдруг тихонько рассмеялся. Это был всего лишь один звук, но он уже был полон пустоты – как у живого мертвеца.

- Всю свою жизнь император... он никогда не упоминал обо мне, потому что не желал, чтобы люди знали о моем существовании, – сказал он. Его речь была очень медленной, она походила на человека, бредущего по воде, и каждый шаг вперед давался ему тяжело. – Мы с мамой скитались по стране больше десяти лет, мы даже... не ступали ни шага в пределы столицы.

- Ах, – в этот момент Ци Цзин неосознанно сделал резкий вдох, словно не сделай он его, он бы действительно утонул.

Он вздрогнул всем телом, сильный холод пробежал по рукам, вынудив растирать их ладонями. Еще до того, как Шень Янь закончил первую реплику, Ци Цзин почувствовал, что все еще тонет в глубоких, черных водах.

Он тонул, но не мог достигнуть дна.

Потому что дна не было.

Даже прослушивание на роль [Бай Ке] не оставило у него такого чувства.

Единственный подобный опыт пришелся на тот момент, когда, вернувшись из больницы, он посмотрел в глаза Шень Яня, пытаясь понять, о чем тот думает. Отчужденность в его выражении ничем не отличалась от его тона сию минуту. Она походила на черное как смоль море, которое лишало человека смелости броситься в него.

И это «Что ты хочешь узнать?» прозвучало как будто он прямо отвечал на заданный тогда Ци Цзином вопрос. Но на самом деле эти слова были действительно из реплики [Хоу Шуньяна].

Человек, с которым тот говорил, был старым министром, который повсюду следовал за предыдущим императором, еще до того, как император вззошел на престол. Министр знал все о тайнах прошлого. Он знал о происхождении [Хоу Шуньяна] и искал его втайне, рискуя жизнью. Министр умолял [Хоу Шуньяна] восстановить собственный статус как члена королевской семьи. Он хотел поднять восстание против нынешнего императора с именем [Хоу Шуньяна] – его кровного брата, положив конец власти недееспособного правителя.

Эта часть диалога относилась к эпизоду, когда [Хоу Шуньян] вспоминал о прошлом, о своем детстве.

Но...

- Но это неправильно... Тон – неверный, а эмоции – тем более. С самого начала все неправильно и идет совершенно не так, – пробормотал Ци Цзин, чувствуя, как по спине

пробежал холодок.

Это было ясно прописано в подсказках к репликам: [Горький смешок, но тон спокойный и собранный.]

В романе было написано, что - хотя детство [Хоу Шуньяна] и было тяжелым - став взрослым, он получил поддержку множества добросердечных людей. Пережив в прошлом невзгоды, он начал новую, лучшую жизнь, поступил в армию и получил широкую известность как мудрый и храбрый человек, стойкий и впечатляющий лидер. У него было военное прошлое, поэтому его осанка не походила на манеру обычного аристократа, он всегда поражал окружающих силой духа. Образ, который создал Шень Янь, обладал этой впечатляющей стойкостью, вот только природа его была совершенно другой.

Стойкость [Хоу Шуньяна] походила на полуденное, яркое и величественное солнце.

А стойкость Шень Яня походила на полностью сгоревшее солнце, оставившее после себя только пепел без капли тепла. Она походила на пронизывающий до костей холод, на реку посреди зимы, морозными укусами щиплющую тело.

...Шень Янь, почему ты такой?

Слушатель 1: ...Ну просто почему Папа Котика такой... [падает на колени]

Слушатель 2: ...Что за шутки, тон Папы Котика не просто отличается от других конкурсантов, он полностью игнорирует опубликованные подсказки по игре!!! Он их все пропустил!!! [молча встает рядом на колени]

Слушатель 3: [ТТ] [ТТ] Не может быть... Папа Котика, что случилось? Почему ты сделал такую тупую ошибку?

Слушатель 4: [ТТ] [ТТ] После такой ошибки спасения боооольшеееее неееееееет.....

Слушатель 5: [ТТ] [ТТ] Ну почему так?! Я не ради такого выступления так долго ждала!

Слушатель 6: Папа Котика достиг предела своих способностей на данный момент... (зажигает свечку).

.....

Ци Цзин не мог удержаться и читал все эти встревоженные комментарии в чате. На сердце у него было тоже беспокойно, он сидел как на иголках, а комментарии только подогревали волнение.

Достиг предела своих способностей?

Никто не идеален, и это – факт. Даже если Шень Янь и обладал мастерством, он не мог показать абсолютно идеальную игру. Но Ци Цзин никогда бы не подумал, что тот может совершить настолько серьезную ошибку, полностью упустив верное направление.

В непривычных обстоятельствах соревнования некоторые участники предпочитали завоевывать расположение публики и судей, используя неожиданные средства, и стремились набрать высокие баллы, показывая выступления, совершенно непохожие на другие.

Но новизна могла выигрывать только до определенного предела, и в конце концов вся игра должна была соответствовать определенной общей схеме, чтобы участник смог пройти этап.

Шень Янь всегда оставался верен исходному материалу, причем до такой степени, что это стало его «фирменным знаком», так почему же сейчас он решил выступить совершенно иначе, чем другие, и настоял на том, чтобы отклониться от оригинала? Зачем ему выступать против собственных интересов?

Это просто невыносимо... Ци Цзин начал жалеть о том, что не послушал совета [Пять] и не остановил Шень Яня загодя.

- Мало того... – если ты создал сцену со своей первой фразы, что ты собираешься делать с остальными словами?

Ци Цзин, не отрывая глаз, смотрел на официально выбранные реплики.

[Что ты хочешь узнать? всю свою жизнь император никогда не упоминал обо мне, потому что не желал, чтобы люди знали о моем существовании. Мы с мамой скитались по стране больше десяти лет, мы даже не ступали ни шага в пределы столицы. Возможно, он и вправду был человеком, бросившим жену и ребенка, но, как мне кажется, он все же был милосердным правителем.]

- Ты ни за что не справишься с последним предложением, Шень Янь, – произнес Ци Цзин с тяжелым сердцем.

[Хоу Шуньян] любил свою родину, поэтому даже пережив очень трудное детство, он все же считал более важной общую картину событий. Он оставил все свои личные обиды, восхваляя мудрое правление своего отца-императора. И подсказки к официальным репликам указывали на это еще яснее; последняя фраза должна была передавать чувство «искренности и полноты

уважения», потому что для героя былое чувство обиды было ничем по сравнению со страной и живущими в ней людьми.

Ци Цзин читал оригинальный роман, Шень Янь – тоже, пусть даже анализ тонкостей и занял у него больше времени.

В романе чувства [Хоу Шуньяна] действительно изображались именно так. Если Ци Цзин об этом все еще помнил, то вероятность, что Шень Янь о них забыл, была еще меньше.

В этот момент он услышал в наушниках слабый смешок.

По сравнению с предыдущим он был более холодным и резким, таким, за которым следует эмоциональный срыв. Голос этого человека уже вынырнул из глубин воспоминаний, скорбь из него стекла, а водяная гладь раскололась, сменившись льдом, – дойдя до точки замерзания, воды застыли.

– Возможно, он все же был... милосердным правителем, – в этот миг голос насмешливо поднялся, закончив фразу внезапным, резким ударом. – Но, как мне кажется, он и вправду был человеком, бросившим жену и ребенка.

Ах... Разум Ци Цзина на мгновение опустел – он почувствовал, как его сердце пропустило удар, а потом бешено забилося.

Так вот как это можно сделать. Это на самом деле можно сделать вот так!

Он не добавил и не пропустил ни одного слова в реплике, он даже не изменил ни единого кусочка – просто поменяв их местами в предложении, он смог успешно передать предыдущие эмоции вплоть до самого конца.

Слушатель 1: ...!!!!

Слушатель 2: ...!!!! Он поменял реплику! Нет, не так, он скорее поменял последовательность частей предложения! Так что теперь он может закончить, не изменив ни слова, как круто!

Слушатель 3: Вааа, внезапно я начала реально ненавидеть предыдущего императора! Верно, как насчет того, что он был милосердным правителем, но с точки зрения Хоу, он был лишь человеком, бросившим свою семью! Такое исполнение на самом деле очень убедительно. После того, как к нему так отнеслись, как он мог не держать обиды... QAQ

Слушатель 4: Если честно, когда я услышал, как он произносит первое предложение, я реально

думал, что он делает ошибку, но после того, как услышал последнее предложение... Я думаю, что он сделал это нарочно, а не случайно. □Поднимаю большой палец, это поразительно.□

Слушатель 5: Я думаю, что он сделал это нарочно +1. Он полностью проигнорировал сценарий, до того, что пошел против оригинального романа, но я... Позор мне, я реально в это втянулся!!!

тт□тт

Слушатель 6: Я тоже... Если бы я была [Хоу Шуньяном], то вспоминала бы в том же ключе, что и Папа Котика, потому что предыдущий император оказался таким отвратительным отцом! Хотя такое выступление организаторы конкурса точно не примут... Я так переживаю, так переживаю – сможет ли Папа Котика пройти в следующий этап?? (плачет)

.....

Пока все, затаив дыхание, ждали продолжения, этот человек, не торопясь, скрыл свое преимущество.

В конце концов, он был образованным человеком, который умел видеть общую картину. Поэтому, когда он понял, что забылся, привычный самоконтроль не позволил его ранам кровоточить и дальше – по крайней мере, не там, где это могли увидеть другие люди.

Даже если то, что он должен был произнести дальше, было столь же печальным.

- Когда мама находилась при смерти, она не говорила ничего, просто повторяла одно и то же, снова и снова... И это я должен был сохранить в тайне до моей смерти.

Он произнес это медленно, а затем в его голосе возникло сомнение, как будто подобное безрассудство привело к тому, что он не сможет больше сдерживать свои чувства. Ци Цзин слышал хриплое дыхание этого человека рядом с микрофоном, каждый вдох и выдох резал его по живому. Спустя долгое время он продолжил:

- Итак, только став немой... я смог дожить до сегодняшнего дня.

Немой.

Это слово вдруг вонзилось Ци Цзину в грудь, как будто он наступил на осколок стекла, лежавший под грязью, после того как долго по ней ходил. Он не мог защититься от этого, и острый край разрезал ему кожу и плоть.

В этот момент у него в сознании возникла необъяснимая иллюзия.

Он чувствовал, что это был вовсе не [Хоу Шуньян], а сам Шень Янь.

Потому, что это слово – «немой» – связало их вместе.

Как только они наложились друг на друга, Ци Цзин снова почувствовал злобу и ненависть этого героя по отношению к своему отцу и горечь от того, что столько лет ему невозможно было даже об этом упомянуть – все эти смешанные эмоции. И от всего этого так сильно болело сердце.

Но больше всего Ци Цзина огорчила последняя реплика этой сцены.

□В таких обстоятельствах, если бы я сказал вам, что на самом деле не чувствую, что жалок, вы бы мне поверили?□

В оригинальных репликах из романа, [Хоу Шуньян], вспомнив о прошлом, признался министру, что не держит зла на предыдущего императора. Он говорил о своих давних искренних переживаниях, поэтому его тон должен был быть немного расстроенным, но в то же время – удовлетворенным, как будто он избавился от тяжелого бремени.

Смысл этой фразы был чем-то вроде: «Даже если вы мне не верите, ничего страшного. Я на самом деле не считаю себя жалким».

Но для Шень Яня все было по-другому.

Когда Шень Янь читал эти реплики, его голос переполняли сдерживаемые эмоции; даже не видя его, можно было сказать, что он с силой, до дрожи сжимал кулаки.

- В таких обстоятельствах... если бы я сказал вам, что на самом деле не чувствую, что жалок, вы бы мне поверили?

Он подчеркнул последние четыре слова.

Он превратил спокойное заявление в риторический вопрос, который заставил бы любого торопливо покачать головой, не имея возможности опровергнуть его слова или выразить сомнение: «Если бы я сказал, что не считаю себя жалким, вы бы поверили? Конечно же нет, как вы можете в это поверить?»

Слушатель 1: ㄗㄗㄗ Нет! Нет! Нет! □ОРЕТ В ГОЛОС□

Слушатель 2: ㄗㄗㄗ Хоу, ааааааа, так боооооооооо.... Быстро позволь брату-императору исцелить тебя!!! □эх□

Слушатель 3: ㄗㄗㄗㄗ Хотя я и очень хочу поддержать комментатора выше, но уже держусь за сердце - так оно болит. Сил шипперить младшего брата сверху и старшего снизу не осталось. [Эй!...]У меня в сердце теперь одна боль... _(:з[∠)_

Слушатель 4: Он полностью отверг оригинальный роман. _(:з[∠)_

Слушатель 5: Даже если он и отверг оригинальный роман, то все равно может органично передавать эмоции, не допуская ничего лишнего. Меня он убедил. _(:з[∠)_

Слушатель 6: Мне... мне на самом деле больше нравится такой [Хоу Шуньян]. [Простите, мне очень стыдно - я читатель романа... Мне надо было бы критиковать его, но я не гожусь в члены партии читателей, может, я больше подхожу для кружка безмозглых фанатов Папы Котика... QAQ]

.....

Верно.

Игра Шень Яня совершенно не соответствовала оригинальному тексту, но чувства в ней все же были искренними.

Или, как вариант, можно было сказать, что... Такой способ выражения чувств действительно был более искренним.

В сравнении с [Хоу Шуньяном], оптимистичным и благородным героем, самоотверженным персонажем романа, этот человек, говоривший прямо сейчас, был кем угодно, только не совершенством и не возвышенным характером - но он в то же время оказался намного ближе к нормальным людям, которым тоже может быть больно, которые способны чувствовать боль. И, с точки зрения реализма, он был гораздо убедительней.

В этот момент Ци Цзин внезапно замер, как будто вспомнил что-то, а потом прикрыл рот ладонью.

<http://bllate.org/book/13906/1225630>